Отношение к революции О. Мандельштама

Политическое потрясение 1917 года заставило многих художников покинуть страну, среди них: И.Бунин, К.Бальмонт, А.Куприн, Скиталец, Б.Зайцев, И.Шмелев, 3. Гиппиус и Д. Мережковский, И. Северянин, В. Ходасевич, М. Цветаева и др. Большинство приветствовали февральский переворот, ожидая позитивных изменений самоуверенных заверений новой политической элиты, но благие надежды не повиновались отвлеченным ожиданиям естественного потока событий; революция утвердила для себя иные закономерности, которые находились за пределами воображения художественной интеллигенции того времени. Другие приняли и октябрьский мятеж, надеясь на свершившуюся в конце концов историческую справедливость. В первые дни после переворота Маяковский заявил от имени прогрессивных футуристов: приветствовать новую власть и войти с нею в контакт». Серафимович принял предложение возглавить отдел литературы в советской газете «Известия ВЦИК». Брюсов вступил в РКП(б) и активно сотрудничал в культурных и образовательных организациях, учрежденных новой властью. Известно, что и Блок разделял эту позицию. В январе 1918 года в ответе на анкету «Может ли интеллигенция сотрудничать с большевиками?» – он сказал: «Может и обязана (...) декреты большевиков – это символы интеллигенции, брошенные лозунги, требующие разработки. Земля божия... разве это не символ передовой интеллигенции? Правда, большевики не произносят слова "божья", они больше чертыхаются, но ведь из песни слова не выкинешь».

К последним примыкали художники, пытающиеся примирить «вздыбленную» Россию с будущим представлением о грядущем прогрессе, ожидающемся после революционного пожара. Третьи полагали, что полыхающая в революционном огне Россия станет тем горнилом, где будет зарождаться новая цивилизация. Владислав Ходасевич в декабре 1917 года пытался представить этот сокровенный путь:

И ты, моя страна, и ты, ее народ, Умрешь и отживешь, пройдя сквозь этот год, — Затем, что мудрость нам единая дана: Всему живущему идти путем зерна...

Подобное отношение русских писателей к Октябрю отражается в мемуарах Н.Я.Мандельштам, чьи наблюдения вписаны в трагическую судьбу её семьи: «Многие из них всю жизнь ждали революцию, но, увидев ее будни, испугались и отвернулись. А были и другие — они боялись собственного испуга: еще проморгаешь, из-за деревьев не увидишь леса... Среди них находился и О.М. (Осип Мандельштам — авт.)» (Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1989. С. 159.)

В «Сумерках свободы» (1918) О. Мандельштам передаёт вселенский масштаб происходящего на глазах современников, проникнутых идеей избранности:

Прославим, братья, сумерки свободы, Великий сумеречный год! В кипящие ночные воды Опущен грузный лес тенет. Восходишь ты в глухие годы — О солнце, судия, народ.

Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть — тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет.

Надежда на благополучный исход становится со временем все призрачнее, события заставляют по-иному взглянуть на окружающую жизнь, где нет возможности ни преодолеть настоящее, ни вернуться в прежнее.

Петербург! У меня еще есть адреса, По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих, Шевеля кандалами цепочек дверных.

(декабрь 1930)

Затем безысходность, которая становится неизменным спутником жизни поэта не только из-за предчувствия физической гибели. Для него страшнее оказалось ощущение приближающейся гибели его души и делу всей его жизни поэзии:

О, как мы любим лицемерить И забываем без труда То, что мы в детстве ближе к смерти, Чем в наши зрелые года.

Еще обиду тянет с блюдца Невыспавшееся дитя, А мне уж не на кого дуться И я один на всех путях.

Но не хочу уснуть, как рыба, В глубоком обмороке вод, И дорог мне свободный выбор Моих страданий и забот.

(1832)